

ШЕВЧЕНКО-ПРОРОК

О.И. Прицак

Аннотация: В статье автор прослеживает становление поэта, философа Т.Г. Шевченко. Автор размышляет о том, когда и почему Шевченко-художник начал писать стихи и когда он открыл, что присущее ему призвание не живопись, а поэзия.

Ключевые слова: национальное достоинство, Шевченко-художник, «Три літа».

Раздел I

1

В Вильно Т. Шевченко приобрел два опыта: во-первых, ступил на путь профессионального обучения — прошёл науку под руководством настоящих художников, а во-вторых, открыл в себе человеческое достоинство и впервые встретился с национальной проблемой, что впоследствии переродилось у него в концепцию национального достоинства.

Зимой 1829–1830 г. в Вильно пребывал известный художник-портретист Франческо Лампи, у которого дамы виленского высшего света заказывали свои портреты. Среди них была и София, жена Павла Энгельгардта, собственника Шевченко, которая, зная о художественном таланте Тараса, решила воспользоваться случаем и воспитать себе собственного портретиста. Тараса немного принарядили и приказали ходить на лекции. В итоге шестнадцатилетний Шевченко получил возможность освоить основы изобразительного искусства под руководством мастера мировой славы. Он произвёл положительное впечатление на Лампи, поскольку перед отъездом в Вену тот поручил Тараса своему виленскому коллеге Яну Рустему (1762–1835). По происхождению армянин из Стамбула, тот был известным профессором рисунка Виленского университета¹. Вот этого учителя, у которого Тарас работал до конца своего пребывания в Вильно, он позднее, в изгнании, доброжелательно вспоминал в письме (от 10 февраля 1855 г.) к своему польскому другу Брониславу Залесскому:

Ты спрашиваешь у меня, можно ли тебе взять кисть и палитру. На это мне отвечать тебе и советовать довольно трудно, потому что я давно не видал твоих рисунков. И теперь я тебе могу сказать только, что говаривал когда-то ученикам своим старик Рустем, профессор рисо-

¹1. Повне видання творів Тараса Шевченка у 14 томах. — Чикаго: Видавництво Миколи Денисюка. 1958–1963. (Здесь в тексте цитируется: Твори, вид. Денисюка. — Т.11. — С. 48–52; Спогади про Тараса Шевченка, упорядкували Василь Бородин та Микола Павлюк. — Київ, 1982, цитируется: Спогади. — С. 51 (спогади Михайла Чалого, 1816–1907); Jerzy Jedrzewicz. Noce ukrain'skie, albo rodowo`d geniusza. — Warszawa, 1970. — S. 86–87.

вания при бывшем Виленском университете: «Шесть лет рисуй и шесть месяцев малой, и будешь мастером». И я нахожу совет его весьма основательным. Вообще, нехорошо прежде времени приниматься за краски. Первое условие живописи — рисунок и круглота, второе — колорит. Не утвердившись в рисунке, пр[ин]яться за краски — это все равно, что отыскивать ночью дорогу [Шевченко 1964, т. 6: 110].

Портрет и рисунок, изученные Шевченко в Вильно, остались до конца его жизни наиболее совершенным проявлением художественного творчества.

Однако на время его пребывания в Вильно приходится более важное (с точки зрения нашей темы) приобретение Шевченко. Как много поколений студентов перед ним и после него, он — тогда шестнадцати-семнадцатилетний — чтобы изучить чужую страну и культуру, подружился с девушкой-полькой Ядвигой (Дзюня, Дуня) Гусиковской. Родом она была из Варшавы, но после смерти родителей жила в Вильно у своей тётки. Хотя Дуня работала швей, она была грамотной и интересовалась тогдашним бурным культурно-политическим движением студенчества. А это были очень весомые годы польского национального возрождения. Вильно — родина Адама Мицкевича — только несколько лет тому назад пережил страшный разгром. Членов товарищества филоматов и филаретов арестовали и вывезли этот цвет молодёжи вглубь России. Мицкевич вынужден был покинуть свой край. Но теперь вспыхнуло восстание в Варшаве, и вся молодёжь Вильно была опоясана системой агитационной сети. Дзюня в традициях польской женщины отказалась употреблять другой язык кроме польского. Это же принудило Тараса изучить польский язык, что впоследствии ему очень пришлось кстати. Под руководством Дзюни он зачитывался произведениями Мицкевича и польской революционной литературой. Они проштудировали вместе также некоторые работы историка и публициста Йоахима Лелевеля.

Дзюня была бедной, как и Тарас, но — это только теперь ему стало ясно — она обладала основной человеческой ценностью: свободой. Она не была крепостной, она была вольной. «Я в первый раз пришёл тогда к мысли, — так впоследствии рассказывал Шевченко своему другу-благодетелю художнику Ивану Сошенко, — отчего и нам, несчастным крепачкам, не быть такими же людьми, как и прочие свободные сословия» [там же: 51–52]. Детронизация царя Николая I как польского короля сделала первый прорыв в свойственный крепостному, которым был Шевченко, пресекулярный миф православного и династического легализма. Он понял, что царь — это чужой сатрап и что Россия — это поработитель народов. Тарас впервые услышал и осознал лозунг польских повстанцев «За нашу и вашу свободу» и впоследствии применил его к украинской действительности [Jedrzewicz 1970: 91].

Тарас на всю жизнь сохранил добрую память о Дзюне. В своем «Дневнике» 5 сентября 1857 г. он записал: «Во сне видел церковь святых Анны в Вильне и в этой церкви молящуюся милую Дуню, чернобровую Гусиковскую» [Твори, ред. Гудзій... 1964, т. 5: 118].

2

Санкт-Петербург 30-х и начала 40-х годов XIX в. был ещё настоящим культурным и интеллектуальным центром великой империи, который притягивал к себе творческие энергии. Трагическая судьба неудачливых революционеров-декабристов (с 1825 г.) все ещё оставалась свежей в памяти: не было, наверное, семьи среди аристократического Санкт-Петербурга, член которой не был бы либо расстрелянным, либо засланным в Сибирь. Творчество Пушкина, который лишь недавно погиб в безрассудном поединке, как и смех Гоголя, были и в дальнейшем темами столичных салонов.

До столицы «славянской» империи дошло в то время движение чешского славянофильства Вацлава Ганки, Павла Шафарика² и Яна Коллара. В своей начальной стадии оно вызвало

² Как известно, позднее (в 1845 г.) Шевченко посвятил Шафарика свою политическую поэму «Єретик».

восхищение, правдивое сочувствие, заинтересованность всеми славянскими языками и литературами, словом — оно тогда ещё не было использовано царской бюрократией и ещё не сдегенерировалось, как случилось позже, к концепции слияния в обнимающей всех славян российской тирании.

Не удивительно, что магия имперской столицы притягивала и чужих деятелей искусства и науки, которые надеялись сделать там успешную карьеру. Мы увидим отличие и величие Шевченко. Вместо того чтобы делать личную карьеру, он использовал Петербург как арену для выхода на нее Украины в качестве действующего фактора. И это сделал он сознательно, как увидим ниже, — жертвуя своей блестящей карьерой художника.

Мы не знаем, как прошёл первый год Тараса в Петербурге (1831), как он справлялся с чужим для себя русским языком, несхожими обычаями и чужестранным окружением [Документы 1982, Ч. 7: 9]. Наши все ещё достаточно скудные источники информации начинаются только со второго года пребывания Шевченко в имперской столице. Тогда его собственник контрактировал Шевченко на четыре года (1832–1836) к «живописных дел цеховому мастеру» Василию Ширяеву [Документы... 1982, Ч. 9. 10; ЧЧ. 10, 11 10–12.]. Дмитрий Антонович справедливо обратил внимание на то, что Ширяев (о котором теперь известно, что он был выпускником Арзамасской художественной школы академика А. Ступина и учился в рисовальном классе Товарищества поощрения художников в Петербурге) с лёгкой руки более позднего Шевченко-академиста часто недооценивается шевченковедами как, дескать, художник-декоратор. Д. Антонович пишет:

[Мастерская Ширяева] объединяла и мастерство художника и техника-маляра, как это было в старые времена добрых художественных традиций, времена исполнителей фресок и декорационных мастеров, времена, когда такие мастера, как Рафаэль, не считали для себя зазорным расписывать орнаментами лоджии Ватикана. Стало быть, мастерская Ширяева была художественно-декоративной мастерской, которая компоновала росписи стен и плафонов, изготовляла трафареты и выполняла само рисование. Из автобиографической повести Шевченко знаем, что «для всех орнаментов и арабесок, которые украшали плафон Большого Театра, рисунки» сделал Шевченко. Из другого места узнаем, что иногда проекты орнамента делал Шевченко, а сам Ширяев из этих проектов вырезал трафареты. Разумеется, во время больших заказов Ширяев вынужден был нанимать для технической помощи и простых маляров [...]. Позже Шевченко свысока называет Ширяева «цеховым мастером», и в этом термине «цеховой» чувствуется некоторая горделивость, дескать — «ремесленник». Следует иметь в виду, что именно в часы академизма в живописцев было в привычке отмежевываться от ремесла, отличать разницу между живописцем и ремесленником, и показателем хорошего тона для художника было сторониться ремесла и пренебрегать им [Твори, вид. Денисюка... 1958–1963, т. 11: 61–62; Словник... 1976–1977, т. 2: 389].

Кроме этой практики в прикладном искусстве Шевченко постиг у Ширяева вкус истории искусства и художественного чтения.

Дело в том, что Ширяев позволял ему читать свой экземпляр многотомной энциклопедии античного мира и его искусства. Это был русский перевод произведения Жана-Жака Бартеlemi *Путешествие Анахарсиса Младшего по Греции*.

Ширяев имел свояков и знакомых студентов Академии искусств. Они в его доме периодически устраивали скромные литературные вечера. Один из них, портретист Иван Зайцев (1805–1890), был сыном крепостного из Украины. Он охотно читал на тех вечерах вслух стихи Василия Жуковского и Александра Пушкина. Вот что пишет Зайцев об этом в своих воспоминаниях:

Я нередко бывал у Ширяева, и мы разговаривали вечерами, иногда я у него читал и декламировал сочинения Пушкина и Жуковского. В это время в соседней комнате, возле раскрытых дверей, всегда стояло два мальчика, лет шестнадцати-семнадцати, ученики хозяина, которые были у него на посылках [...] Все, что я читал, мальчики слушали очень вниматель-

но. Почему же, спросят меня добрые люди, я рассказываю так подробно о каких-то мальчиках? Потому, отвечу я, что один из них стал впоследствии любимым малороссийским поэтом, — то был Тарас Шевченко [там же: 59].

Так выглядело внедрение Тараса в русскую литературу и в художественное чтение. Иван Сошенко (1807–1876), студент Академии искусств, старший на семь лет земляк Тараса (родом из Богуслава), встретил его в июле 1835 г. [Спогади...1982: 38, 52; Зайцев 1955: 41–43; Жур 1972: 90] в Летнем Саду. Он взял опеку над талантливым парнем и велел своему новому знакомому прийти к нему на квартиру и принести свои рисунки. Вот что пишет о тех посещениях Шевченко в своей автобиографической повести *Художник*:

В воскресенье поутру рано я возвратился из всенощной своей прогулки, и в коридоре перед № моей квартиры встретил меня мой новый знакомый, уже не в тиковом грязном халате, а в чем-то похожем на сюртук коричневого цвета, с большим свёртком бумаги в руке. Я поздоровался с ним и протянул ему руку; он бросился к руке и хотел поцеловать. Я отдернул руку: меня сконфузило его раболепие. Я молча вошёл в квартиру, а он остался в коридоре. Я снял сюртук, надел блузу, закурил сигару, а его все ещё нет в комнате. Я вышел в коридор, смотрю, приятеля моего как не бывало. Я сошёл вниз, спрашиваю дворника: не видел такого? «Видел, — говорит, — малого с бумагами в руке, выбежал на улицу». Я на улицу — и след простыл. Мне стало грустно, как будто я потерял что-то дорогое мне. Скучал я до следующего воскресенья и никак не мог придумать, что бы такое значил внезапный побег моего приятеля. Дождавшись воскресенья, я [...] пошёл в Летний сад [...] Я туда. А приятель мой [тут] как тут. Увидя меня, он бросил рисовать и покраснел до ушей, как ребёнок, пойманный за кражей варенья... Как умел, обласкал моего приятеля, и когда он пришёл в себя, я спросил его, зачем он убежал из коридора. — Вы на меня рассердились. И я испугался, — отвечал он [Твори, ред. Гудзій 1964, т. 4: 142].

Встреча с Сошенко стала решающей в дальнейшей жизни Шевченко. Сошенко не только взял опеку над земляком, но спустя какое-то время ввёл его в «малороссийскую мафию» столицы. В то время жило там немало людей с Украины, которые даже занимали высокое положение в имперской системе, особенно в научных и художественных кругах. Душой их был Евгений Гребинка [Твори, ред. Гудзій... 1964, т. 4: 142; Твори, вид. Денисюка... 1958–1963, т. 6: 13]. В его доме проходили литературные вечера, в которых участвовали «сливки» интеллектуальной элиты столицы. Как увидим, через некоторое время Гребинка познакомил Шевченко с влиятельными земляками в художественных кругах. Это был в первую очередь Василий Григорóвич (1786–1865) из Пирятина, историк искусства, секретарь Общества поощрения художников в Петербурге и конференц-секретарь Императорской Академии искусств.

Упомянутое Общество, основанное в 1820 г., сыграет большую роль в жизни Шевченко. Уже 4 октября 1835 г. комитет этого Общества за подписью Григорóвича и прочих друзей Гребинки — профессора скульптуры и вице-президента Академии искусств графа Федора Толстого (1783–1873), виолончелиста графа Матвея Виельгорского (1794–1866) — издал такой документ: «По рассмотрении рисунков постороннего ученика Шевченко, Комитет нашёл оные заслуживающими похвалу, и положили иметь его в виду на будущее время» [Документы... 1982: 9].

Невзирая на его статус крепостного, Шевченко позволили посещать курсы художественных классов товарищества. Так Шевченко, все ещё крепостной, вошёл в художественные классы академического стиля. С того времени (1835–1837) сохранилось несколько рисунков Шевченко, исполненных тушью, на заданные темы воспроизвести драматические исторические эпизоды. Интересно, что Шевченко, кроме (тогда обязательных) тем из истории древней Греции и Рима, избрал две — из прошлого Украины: смерть князя Олега Святославовича Древлянского (в 977 г.) и смерть Богдана Хмельницкого (1657 г.). Как видим, здесь уже рождается Тарасово историческое сознание и смысл пропорции: одна тема взята из княжеских времён, а другая из казацких [Шевченко 1961–1963: 5, 8].

Осенью 1836 г. вернулся с триумфом из Италии в Петербург Карл Брюллов (1799–1852), наилучший в империи мастер жанровых картин, с целью возглавить профессию в Академии искусств. Он был потомком онемеченной линии французских гугенотов. Его громадное полотно в академическом классическом стиле «Последний день Помпеи» принесло ему чрезвычайную славу и общее признание. Ведущий поэт столицы Василий Жуковский (1783–1852), который был одновременно воспитателем престолонаследника (будущего царя Александра II, 1855–1881), окрестил Брюллова «Карлом Великим». Этот «придомок» употребил Шевченко в своей автобиографической повести *Художник*.

Брюллов был всесторонне развитым художником: он интересовался музыкой, поэзией, театром. Вскоре после переезда в Петербург он стал одним из членов триумвирата «неистовых романтиков»; два других были — известный оперный композитор Михаил Глинка (1804–1857) и модный тогда писатель (украинского происхождения) Нестор Кукольник (1809–1868).

Иван Сошенко, опекун Тараса, сразу стал учеником знаменитого и модного профессора, и через него Брюллов познакомился со школьными рисунками Тараса и с одной его поэмой [Жур 1972: 102]. Они настолько прониклись симпатией [Документи... 1982: Ч.13. 12], что уже в 1837 г. великий Брюллов позволил крепостному Шевченко посещать свою художественную мастерскую. Сразу же 21 февраля 1837 г. комитет Общества поощрения художников выделил первую помощь «молодому художнику» Шевченко [там же: Ч. 12: 12; ЧЧ.15, 16: 13.].

Для крепостного Шевченко это было исполнением наиболее смелой мечты: самый известный художник империи сделал его своим учеником, а впоследствии ещё и своим поверенным. На некоторое время Брюллов даже пригласил его пожить у себя. «Быстрый переход, — писал Шевченко позже в своем дневнике (1 июля 1857), — с чердака грубого мужика-маляра в великолепную мастерскую величайшего живописца нашего века. Самому теперь не верится, а действительно так было. Я из грязного чердака, я, ничтожный замарашка, на крыльях перелетел в волшебные залы Академии художеств» [*Твори*, ред. Гудзій...1964, т. 5: 43; *Твори*, вид. Денисюка...1958–1963, т. 9: 45–46.].

Теперь недолго Шевченко оставался крепостным. Снова осуществление фантастической сказки! Уже 22 апреля 1838 г. Брюллов вместе с академиком Академии искусств Алексеем Венециановым (1780–1847), украинцем греческого происхождения, приятелем Сошенко, графом Виельгорским и поэтом Жуковским добились Тарасовой свободы: Брюллов нарисовал портрет Жуковского, который был продан на лотерею, устроенной Виельгорским, царской семье за 2500 рублей — цена, которую назначил за Тараса его собственник [*Твори*, ред. Гудзій... 1964, т. 5: 252, 259; Документи... 1982, ЧЧ. 18–24. 13–16.].

3

Нет сомнения, что для Шевченко было большим счастьем получить такого авторитетного учителя-протектора, каким был, безусловно, Брюллов. Однако, несмотря на всю его благосклонность к Шевченко, своим величием он тяготел над ним. Он же был разве что не Бог! «Карл Павлович (Брюллов), — писал Тарас, — для меня слишком колоссален и, несмотря на его доброту и ласки, мне иногда кажется, что я один» [там же, т. 4: 177]. Сошенко — искренняя душа, но он был на семь лет старше Тараса, а кроме того человеком, который ничем не увлекается. Между тем он был благодетелем Тараса, что увеличивало дистанцию между ними. А Шевченко нуждался и стремился иметь приятеля-одногодка, который мог бы помочь ему войти в образ жизни свободных людей. Друга, который посоветовал бы ему, как наладить текущие заботы, как одеваться в обществе, как пошутить, развлечься и т.д. Таким сердечным другом Тараса стал в январе 1839 года Вильгельм-Василий («Виля») Штернберг (1818–1845), талантливый художник немецкого происхождения [Словник...1976–1977, т. 2: 392.]. Хотя он родился и воспитывался в Петербурге, во время своей художественной поездки увлёкся кра-

сотой Украины и на всю жизнь связался с ней. «Ах, если бы скорее Штернберг приехал! — писал Шевченко. — Я, не выдавши, полюбил его» [*Твори*, ред. Гудзій... 1964: т.4. 177; *Твори*, вид. Денисюка... 1958–1963: т.6 57.]. Тарасова интуиция не подвела.

Я в восторге! — писал впоследствии Тарас. — Давно и так нетерпеливо ожидаемый мной Штернберг, наконец, приехал! И как внезапно, нечаянно. Я испугался и долго не верил своим глазам; думал, не видение ли. Я же в то время компоновал эскиз «Иезекиль на поле, усеянном костями». Это было ночью, часу во втором. Вдруг двери растворяются, — а я углубился в «Иезекииля» и двери забыл закрыть на ключ, — двери растворяются, и является в шубе и теплой шапке человеческая фигура. Я сначала испугался и сам не знаю, как проговорил: «Штернберг!». — «Штернберг», — отвечает он мне, и я не дал ему шубу снять, принялся целовать его, а он отвечал мне тем же. Долго мы молча любовались друг другом, наконец, он вспомнил, что ящик у ворот дожидается, и пошёл к ящику, а я к дворнику — просить перенести вещи в квартиру. Когда все это было сделано, мы вздохнули свободно. И странно. Мне казалось, что я встретил старого знакомого... [там же: 177–178; там же: 58.]

Штернберг, как сказано выше, родился и вырос в Петербурге. Здесь жили его свояки, семья чиновника Александра Шмидта (1794–1862) [Словник... 1976–1977: т.2 390.]. С ними познакомил Штернберг своего друга Тараса [*Твори*, ред. Гудзій... 1964: т.4 182–183; *Твори*, вид. Денисюка... 1958–1963: т.6 64–65.], а также еще с двумя другими немецкими семьями — инспектора студентов Петербургского университета Александра фон Фицтум Экштедта (1804–1873) [Словник... 1976–1977: т.2 306] и мастера живописи и литейного дела Карла Иоахима (1805–1859) [Словник... 1976–1977: т.1 265.]. Некоторое время Шевченко конец каждой недели проводил в кругу указанных семей: суббота была днём Иоахима, а воскресенье принадлежало Фицтумам и Шмидтам. Шевченко, который грустил по семейной жизни, имел теперь случай ближе познакомиться с семейной жизнью культурных немецких фамилий, изучить их способ жизни, получить доступ к немецкой культуре. «Я всегда, — писал Шевченко, — выхожу от них как будто чище и добрее» [*Твори*, ред. Гудзій... 1964: т.4 183; *Твори*, вид. Денисюка... 1958–1963: т.6 64.]. Или: «У Фицтума. Насладившись квинтетом Бетховена и сонатой Моцарта, где солировал знаменитый Бем, часу в первом ночи возвратились на квартиру» [там же: 1844; там же: 66]³.

Шевченко и Штернберг вместе жили, вместе работали, вместе посещали музеи, театры, устраивали литературные чтения, ходили в рестораны, делали закупки. Две очень красочные картины с тех времён подал Шевченко в своих повестях, одну в *Прогулке*, а другую в *Художнике*. Вот первая:

[...] мы с покойным Штернбергом на последние деньги купили себе рабочую лампу, принесли ее в нашу келью и среди белого дня засветили, поставили среди стола и, как маленькие дети, восхищались нашим приобретением. После первых восхищений Штернберг взял книгу и сел по одну сторону лампы, а я взял какую-то работу и сел по другую сторону лампы. Так мы днём с огнём просидели до пяти часов вечера, в пять часов пошли в Академию и всему натурному классу разблагостили о своем бесценном приобретении [*Твори*, ред. Гудзій... 1964: т.4 294; *Твори*, вид. Денисюка... 1958–1963: т.8 205.].

Следующий случай: «Сделал я себе к празднику новую пару платья и из английской байки пальто, как у Штернберга — чтобы недаром нас Шмидты называли *Кастором* и *Полдуксом*. А к весне думаем заказать себе камлотовые шинели» [там же: 184; там же: т.6 66].

Но самой большой заслугой Штернберга, с точки зрения украинской интеллектуальной истории, было открытие для Шевченко художественной красоты Украины. Шевченко-академик до сих пор идентифицировал искусство с воспроизведением драматических эпизодов классической истории и портретом. Но дадим снова слово Шевченко:

³ Штернберг тоже имел знакомства в Украине. Это он познакомил Тараса с его будущим протектором Григорием Тарновским (см. ниже).

На второй день поутру Штернберг взял свою толстую портфель, и мы отправились к Калу Павловичу. Он был в восторге от вашей однообразно-разнообразной, как он выразился, родины и от задумчивых земляков ваших, так прекрасно-верно переданных Штернбергом.

И какое множество рисунков, и как все прекрасно. На маленьком лоскутке серенькой обёрточной бумаги проведена горизонтальная линия, на первом плане ветряная мельница, пара волов около телеги, наваленной мешками. Все это не нарисовано, а только намёкнуто, но какая прелесть! Очей не отведёшь. Или под тенью развесистой вербы у самого берега беленькая, соломой крытая хатка вся отразилась в воде, как в зеркале. Под хаткой старушка, а на воде утки плавают. Вот и вся картина, и какая полная, живая картина!

И таких картин или, лучше сказать, животрепещущих очерков полна портфель Штернберга. Чудный, бесподобный Штернберг! Недаром его поцеловал Карл Павлович [там же: 181; там же: 61–62].

Штернберг украсил первое издание «Кобзаря» прекрасным рисунком слепого старого украинского кобзаря с мальчиком; Тарас же посвятил своему другу драматического «Івана Підкову». Прощаясь с ним, Тарас посвятил своему «Вилли» поздней весной 1840 г. прекрасное четверостишие: «Поїдеш далеко...». Можно смело рискнуть гипотезой, что собственно те содержательные рисунки Штернберга дали стимул к *Живописной Украине* Шевченко (1844).

4

После отъезда Штернберга из Петербурга Шевченко получил (на предложение инспектора Фицтума) нового соквартиранта. Им был студент университета историк Леонард Демский. В отличие от темпераментного Штернберга, это был «скромный, и прекрасно образованный, и вдобавок бедный молодой поляк. Он целый день проводит в аудитории, а по вечерам занимается со мной французским языком и читает Гиббона». Ещё когда Шевченко жил со Штернбергом, он решил «заняться французским языком, это необходимо», — писал он. Но попытки, которые он тогда предпринимал, были безуспешными. Непосредственным стимулом для этого намерения было то, что Брюллов имел в своей библиотеке классическое произведение английского историка Эдварда Гиббона (1737–1794) *История упадка и разрушения Римской империи* во французском переводе. А Шевченко стремился ознакомиться с этим произведением: «я не могу смотреть на него [перевод Гиббона] равнодушно» [там же: 185, 198–199; там же: 99; Jedrzewicz. Nosc...1970: 164–186]. Очевидно, Шевченко посчастливилось, что Демский, профессиональный историк, да ещё и заинтересованный историософией, читал вместе с ним и комментировал эту жемчужину мировой историографии.

Заинтересованность французским языком у Шевченко была серьёзной. Он использовал свое знакомство с молдаванином Александром Эльканом (1802–1868), переводчиком Главного управления путей. «Он со мною, — писал Шевченко, — иначе не говорит, как по-французски, за что я ему весьма благодарен: это для меня хорошая практика» [там же: 203; там же: 90].

После смерти Демского Шевченко, похоронив своего друга, передал польскому патеру местного костела св. Станислава о. Посяде книжки покойника исторического и юридического содержания; однако оставил себе книжки, написанные на французском языке [там же: 232; там же: 123].

Демский, больной туберкулезом, работал безуданно, обучаясь и зарабатывая себе на хлеб. «И бедный Демский, он и не подозревает своей болезни. Он так искренно увлекается своим будущим, как может увлекаться только полный здоровья юноша. Счастливцев, если можно назвать мечту счастьем!». Он верил, что «если не превзойдёт своего идола Лелевеля в отечественной истории, то по крайней мере сравняется с ним, что будущая его диссертация откроет ему все средства осуществить свои блестящие надежды. А между тем бедняк кашляет кровью и старается это скрыть от меня. И, Боже мой, чего бы я не отдал за осуществление

его пламенных желаний [там же: 210; там же: 99]. Иоахим Лелевель (1786–1861) был тогда ведущим польским историком и демократическим деятелем, а вместе с тем одним из организаторов польского ноябрьского восстания. В 1815–1824 гг. он был профессором Виленского университета. Среди тогдашних его слушателей был Адам Мицкевич. Благодаря Демскому Шевченко ознакомился с историософскими и политическими концепциями Лелевеля, что только усилило украинскую национальную идентичность Шевченко.

5

Благодаря Гребинке и Брюллову новоосвобожденный Шевченко входит в салоны высшего интеллигентного общества столицы. Просматривая списки гостей, приглашённых участвовать в товарищеских и литературно-художественных вечерах, можно утверждать, что молодой художник и поэт Шевченко не только был там желанным гостем, но и привлекательной фигурой салонов. Из сохранённых списков гостей приводится здесь для примера избранные участники двух таких встреч. На вечере 27 апреля 1840 г. в доме русского поэта и переводчика Алексея Струговщикова (1808–1878) участвовали такие лица [Спогади... 1982: 73]: Петр Басин (1783–1877), профессор живописи Академии искусств; Виссарион Белинский (1811–1848), ведущий литературный критик; Карл Брюллов и его брат Александр (1798–1877), профессор архитектуры Академии искусств; Иван Витали (1794–1855), выдающийся скульптор; генерал барон Павел Вревский (1805–1855); Михаил Гедеонов (1814–185?), цензор драматических произведений; Михаил Глинка (1804–1857), выдающийся оперный композитор; Эдуард Губер (1814–1847), русский поэт и переводчик; Павел Каменский (1810–1875), русский беллетрист и цензор; братья Кукольники (украинского происхождения): Нестор (1809–1869) — русский поэт и драматург, а также Павел — историк и этнограф (1795–1884); Андрей Лоди (1812–1870), артист-тенор; Николай Маркевич (1804–1860), украинский поэт, этнограф и историк; князь Владимир Одоевский (1803–1869), русский писатель и теоретик музыковедения; Иван Панаев (1812–1862), русский фельетонист; Николай Рамазанов (1815–1867), русский скульптор; граф Владимир Сологуб (1804–1882), русский писатель; Дмитрий Струйский (1806–1856), русский поэт и музыкальный критик; Иван Сосницкий (1794–1877), выдающийся русский актер; граф Федор Толстой (1783–1873), скульптор, вице-президент Академии искусств; поэт Тарас Шевченко; Сильвестр Щедрин (1791–1850), художник-пейзажист; Яков Яненко (1800–1852), художник-портретист.

На вечере вышеназванного украинского поэта и историка Николая Маркевича — 9 мая 1840 г. были, кроме многих названных в предыдущем списке и Шевченко, ещё и такие участники [там же: 72–73]: Фаддей Булгарин (1785–1859), журналист, издатель газеты *Северная Пчела*; помещик Григорий Галаган (1819–1888), этнограф, более поздний знакомый Шевченко; Николай Греч (1787–1867), русский филолог и журналист; Александр Дрейшток (1818–1869), пианист и композитор; генерал Иван Корбеня (1800–?), более поздний знакомый Шевченко; Петр Корсаков (1790–1844), переводчик и цензор (пропустил *Кобзаря*); Карл Майер (1799–1862), пианист и композитор, учитель Глинки; Александр Никитенко (1805–1877), профессор русской словесности университета; мемуарист, редактор *Журнала Министерства народного просвещения* и цензор; Николай Полевой (1796–1846), писатель, историк, журналист и критик (Шевченко иллюстрировал его *Историю*); Николай Ригельман (1817–1888), чиновник канцелярии киевского генерал-губернатора, впоследствии товарищ Шевченко; Осип Сенковский (1800–1858), ориенталист и видный российский журналист польского происхождения (псевдоним «Барон Брамбеус»), редактор *Библиотеки для чтения*; помещики Тарновские из Левобережной Украины, впоследствии гостеприимные хозяева Шевченко; граф Павел (Том) Толстой, флигель-адъютант; граф Алексей Шереметьев, чиновник Министерства внутренних дел; Карл Штер (1824–1889), немецкий гость, музыкант-скрипач.

Мы видим, что уже два года спустя после выкупа из крепостничества, 26-летнего Шевченко трактовали как равного себе в наивысших кругах Петербурга, в частности интеллектуальных. Среди его новых знакомых видим поэтов, художников всех направлений, музыкантов, вокалистов, мастеров сцены, журналистов, писателей, ученых-профессоров, военных, бюрократов. Среди них было немало и из среды титулованной аристократии.

Не удивительно, что, когда 18 апреля 1840 г. вышел в свет *Кобзарь* Тараса Шевченко, появление этой небольшой книжки (114 или 115 страниц) в Петербурге, невзирая на то, что написана она была не по-русски, а «малороссийским» языком, стало сенсационным литературным явлением. На нее сразу обратили внимание рецензенты, которые знали уже нового автора лично. Все самые главные столичные журналы и литературные органы напечатали рецензии [Шевченко 1963: т. 1 8–9]. В своей популярной *Библиотеке для чтения* Осип Сенковский считал, что Шевченко — это первый настоящий поэт после смерти Пушкина; профессор Плетнев в основанном Пушкиным аристократическом *Современнике* считал, что *Кобзарь* — единственное литературное явление месяца, достойное внимания. Пространную, доброжелательную для автора и его народа оценку книжки дал профессор Корсаков, который был официальным цензором *Кобзаря* в консервативном славянофильском *Маяке*. Булгарин среагировал в *Северной Пчеле*, а сам великий Виссарион Белинский изложил свои мысли относительно этого небудничного литературного явления дважды: вкратце (без подписи) в *Отечественных записках* и более пространно, за подписью, в 1842 г. уже в связи с появлением поэмы «Гайдамаки» в своей известной статье в том же журнале. Еще появились отзывы в *Литературной газете*, *Литературных прибавлениях к журналу Министерства народного просвещения* и в *Сыне отечества*.

В задачу этой статьи не входит анализ рецензий. Были хвалебные, были и негативные. Но если и были замечания, то не относительно таланта поэта, а его решения при наличии такого таланта писать «малороссийским» языком (особенно Белинский). Главное, что появление *Кобзаря* не проигнорировали, а отнеслись к произведению как к важному литературному явлению. Здесь уместно ещё раз процитировать Сенковского, известного своим безжалостным пером: «На каком языке он [Шевченко] не писал бы, он поэт. Он умеет ощущать и выказывать свои чувства искусным стихом; на каждом его произведении лежит печать поэзии, идущей прямо к сердцу».

6

Мы не знаем точной даты знакомства Шевченко с Гребинкой, однако это должно было иметь место не позднее июля 1836 г. [Зайцев 1955: 46–47; Словник... 1976–1977: т.1 168–169]. Евгений Гребинка (1812–1848) был всего на два года старше, он — человек свободный (полтавский помещик), выпускник славного Нежинского лицея и младший товарищ Гоголя — начал печататься на русском и украинском языках ещё в 1831 г. и, прибыв в Петербург три года позже (1834), выявил большой товарищеский талант: сразу же сумел сплотить вокруг себя интеллектуально интересных людей имперской столицы. Хотя его талант как поэта был ограничен, он получил добротное образование, имел уже опыт записи украинского фольклора, собрал себе неплохую библиотеку, в частности украинистики, и был хорошо ознакомлен с тогдашней русской и украинской литературами.

Нельзя переоценить значение встречи молодого Шевченко с Гребинкой. Именно от Гребинки Шевченко впервые узнал, что украинская народная песня, которая была любимой и неотступной подругой его жизни, высоко ценится среди литераторов: они записывают ее, печатают и изучают так, как произведения поэтов. Он мог ознакомиться у Гребинки с печатными собраниями украинских песен, изданных Николаем Цертелевым в Петербурге (1819), и с двумя сборниками Михаила Максимовича, вышедших в Москве (1827, 1834).

У Гребинки Шевченко открыл, что существует печатная оригинальная литература языком народных песен. Гребинка дал Тарасу прочитать «Енеїду» Котляревского и произведения других украинских авторов, особенно харьковских романтиков, в первую очередь Григория Квитки-Основьяненко. Также благодаря Гребинке в руки Шевченко впервые попала в руки *История Малой России* (Москва, 1822) Дмитрия Бантыш-Каменского, из которой он узнал, что Украина имеет свою историю. Историческое сознание Шевченко окончательно очертилось в 1839 г., когда он получил возможность познакомиться с рукописной Историей Русов, которую привез в Петербург поэт, этнограф и историк Николай Маркевич (1804–1860). С последним познакомил Шевченко друг Гребинки Петр Мартос (1811–1863), тот самый, которого Гребинка уговорил в 1840 г. профинансировать первое издание *Кобзаря*.

История Русов, или, как ее назвал Шевченко, «Летопись Конисского», осталась навсегда главным источником его исторических сведений о прошлом Украины; кроме того, это произведение формировало его историософские взгляды⁴. Но *История Русов* не была летописью, как и не была произведением архиепископа Григория Конисского (1717–1795). Это было хорошо замаскированное (написанное в двух плоскостях: внешне лояльное к империи, а внутренне — самостийническое) коллективное произведение членов тайного товарищества, созданное между 1815 и 1828 годами. Его авторы, потомки казацкой старшины, которые действовали как в Петербурге, так и на территории бывшей Гетманщины, рассматривали прошлое своей родины как независимой нации. В духе идей западноевропейского просветительства авторы *Истории Русов* делали ударение на документацию (правдивую и поддельную). Они рассматривали прошлое своей родины (Русов) как независимой западноевропейского типа нации, которая, будучи суверенной державой, обеспечила свой нейтралитет политическими договорными союзами с соседями и международными договорами [Прицак 1983, Ч.1–2: 198–210].

Если Пушкин, Костомаров и другие восхищались «романтическими» образами прошлого Украины, обрисованными в этом произведении, Шевченко понял основную сущность и идеологию «Истории Русов», а затем блестяще ее развил, преимущественно в поэмах цикла «Три літа».

Многими художественными стимулами для тем, образов и деталей в своих ранних произведениях Шевченко обязан собственно Гребинке, однако все это прошло через горнило его творческого духа. Шевченко посвятил одну из восьми поэм, напечатанных в *Кобзаре* 1840 г., собственно Гребинке, в благодарность — как справедливо замечает Павел Филиппович — за стимул к теме [Филиппович 1971: 77–78]. Но, однако, насколько существенной оказалась разница между «украинским бардом» Гребинки и «Перебендей» Шевченко!

Кобзарь 1840 г. привлекает к себе внимание сдержанностью, редкой для первого сборника поэтов. Там помещено всего восемь поэм. Зато каждая из них — полноценная жемчужина. То есть кто-то из опытных литераторов с хорошим эстетически-поэтическим вкусом сделал выбор. Как следует из воспоминаний Петра Мартоса [Спогади...1982: 67–70.], а также принимая во внимание факт, что именно Гребинка подал рукопись *Кобзаря* в цензуру [Документи...1982: Ч.49. 24], можно допустить, что такой личностью был не кто иной, как собственно Евгений Гребинка. Не ошибемся, если станем утверждать, что именно Гребинке выпала судьба стать бабкой-повитухой великой украинской литературы.

Возможно, что шевченковеды переоценивают Тараса Шевченко как носителя украинского фольклора страны своего детства. Хотя Тарас, вне сомнения, как губка вбирал в себя все, что слышал в своем окружении, ему было, когда его насильно вырвали с родины, всего четырнадцать лет. Способности юноши его возраста, а также его тогдашнего окружения в сёлах Моринцы и Кирилловка были все-таки ограничены. Мне кажется, что не менее важным (а возможно и более важным) источником «народности» Шевченко была его исключительная

⁴ Шевченко ссылался на «Георгия Конисского» уже в своих «Гайдаках».

и настойчивая работа над собой в библиотеке гостеприимного дома его ментора Евгения Гребинки в Петербурге в 1836–1840 годах. Там Тарас имел возможность изучать большие сборники, как произведений украинского фольклора, так и произведения тогдашних украинских, польских и русских авторов-романтиков. Это и были Тарасовы «университеты».

Как доказал Павел Филиппович (1895–1937), в произведениях Гребинки и Шевченко того времени много общих тем, общих шаблонов и общих источников [Филипович 1971: 76–109]. Хотя гений Тараса скоро оформился в его творческом видении, которое я оцениваю как четырехмёрное⁵, все-таки без стимулов Гребинки, наверное, не было бы возможности ему, гению, реализоваться.

Раздел II

I

Когда и почему Шевченко-художник начал писать стихи и когда он открыл, что присущее ему призвание не живопись, а поэзия? К сожалению, Шевченко не дал в своих писаниях точного ответа на эти два центральных вопроса. Однако его свидетельства, а также некоторая информация его современников представляют возможность дать приблизительные ответы.

Начну с первого вопроса.

В своем признании во время следствия по делу Кирилло-Мефодиевского братства 21 апреля 1847 г. Шевченко указал, что стихи любил с детства, а писать начал ещё в 1837 г. [Документи...1982: Ч.229. 117]. И действительно, из воспоминаний русского журналиста и писателя Ивана Панаева (1812–1862) известно, что собственно в 1837 г. он впервые встретился с Шевченко на литературном вечере Евгения Гребинки [Спогади...1982: 63]. Тогда Шевченко написал уже несколько стихов, которые, как утверждает Панаев, не вошли в его сборник *Кобзарь* с 1840 г. [Панаев 1950: 103]. Аполлон Мокрицкий (1810–1870), художник, ученик Брюллова и приятель Шевченко, который взял на себя инициативу приобщить Брюллова к делу освобождения Тараса из крепостничества, отметил в своем *Дневнике*, что в среду 31 марта 1837 г. он показал Брюллову стихотворение Шевченко. Брюллов был «очень доволен и, увидев в нем мысли и чувства молодого человека, решил вытащить его с податного (крепостнического) состояния» [Спогади...1982: 60–62.].

Из этого видим, что в марте 1837 г. Шевченко уже писал стихи, которых не стыдился показывать знакомым и знатокам.

Однако свое искусство он осмыслил не сразу. В автобиографии поэта от 1860 г., отредактированной Паньком Кулишем, указывается следующее: «Украинская муза долго чуралась моего вкуса» [*Твори*, ред. Гудзій...1964: т.5 259]. В автобиографии поэта сказано, что в Летнем Саду он «начал делать этюды в стихотворном искусстве». Между тем в обеих версиях утверждается, что из тех многих упражнений поэт напечатал лишь только балладу «Причина» [там же].

Ответ на первый вопрос: Шевченко начал упражняться в стихотворчестве под впечатлением своей встречи с украинскими произведениями у Гребинки (июль 1836 г.). По привычке художника, он начал делать собственные поэтические этюды и приблизительно спустя два года выработал свой поэтический стиль. С этими пробными стихами он выступил впервые уже где-то в марте 1837 г. Один продукт поэтических упражнений Шевченко, кстати, очень удачный, но все-таки отброшенный поэтом, — это недавно открытое стихотворение «Нудно мені, тяжко — що маю робити» [Бородін 1971: 198–220].

⁵ Я не могу здесь вникать в детали литературоведческой сферы. Я имею в виду: стихотворную форму (суверенное употребление метрики и строфики), музыкальность (гармония языка), образность (пластический рисунок) и драматичность действия. Но при этом необходимо подчеркнуть (и это в первую очередь), что каждое произведение Тараса имеет ещё ясную руководящую идею.

Свое искусство как лирический поэт Тарас освоил очень скоро, уже в 1838–1839 гг. Тогда же он создал свой первый личный манифест «На вічну пам'ять Котляревському» и решил (1839) печатать сборник своих произведений под названием «Кобзар».

2

1839–1841 годы были переломными в жизни Шевченко. Его давняя мечта стать художником осуществилась. Тараса приняли на студии в столичную Академию художеств, и он стал любимым учеником профессора Карла Брюллова, наилучшего тогда живописца империи. За свои школьные художественные работы Шевченко получил в то время три серебряные медали [Документи...1982: Ч.38. 20; ЧЧ.59, 60. 27; Ч. 74. 35], а также стал «пансионером» (стипендиатом) Общества поощрения художников [там же: Ч.37. 20; Ч.62. 28].

Однако случилось по-другому. Выпустив в свет своего первенца *Кобзаря*, Шевченко попал в плен нового поэтического творческого видения, в первую очередь видения трагической Колиивщины (1768), которая выросла в подсознание страстными рассказами его деда Ивана, участника тех кровавых событий, когда мальчик Тарас жил ещё на своей малой родине. То видение гайдамаков началось у поэта, собственно, где-то в марте 1839 г., когда он жил на квартире своего маэстро Брюллова [Твори, ред. Гудзій...1964: т.5 43; Твори, вид. Денисюка...1958–1963: т.9 46, т.6 78]. И вот 7 апреля 1841 г. Шевченко уже имел законченную поэму-эпopeю «Гайдамаки» и написал тогда свое вступление-посвящение профессору Василию Григорóвичу в память второй годовщины со дня выкупа его из крепостничества (22 апреля 1838 г.), в котором Григорóвич, конференц-секретарь Академии искусств и приятель Жуковского, сыграл одну из главных ролей. Потом 11 ноября того же 1841 г. Шевченко сдал рукопись своих «Гайдамак» в Петербургский цензурный комитет, а разрешение к печати он получил уже через две с половиной недели (29 ноября) [Документи...1982: ЧЧ.80,81. 38]. Очень важно то, что к этому произведению Шевченко приложил «предисловие», которое было уже манифестом новой украинской литературы [Твори, ред. Гудзій...1964: т.1 142–143]⁶. Это был своеобразный и весомый манифест: отныне поэзия поэта все сильнее требует от него своих исключительных прав. Она и национальная и общечеловеческая. Началась тяжёлая борьба художника с поэтом.

В своем докладе на Конференции Тысячелетия, произнесённом в Венеции осенью 1988 г. Юрий Лотман из Тарту (Эстония) поднял вопрос об особой роли поэта в интеллектуальной истории Петербургской империи времён Пушкина. На базе широкого доказательного материала он утверждал, что тогда образовалась дихотомия *художник versus поэт*. Художник, даже наивысшего класса мастер, оставался ремесленником, которому за его произведение платили деньгами. Зато поэт, вдохновитель муз, был одержимым творцом, а не ремесленником. Он указывал путь к будущему и заслуживал аплодисментов, признания и уважения. Потому речь не могла идти о гонораре. Творческая поэзия — без цены⁷.

Однако вновь открытое и успешное творчество Тараса в сфере поэзии, чем дальше, тем больше требовало своих исключительных прав. Эта борьба художника с поэтом вызвала кризис в 1841–1842 гг. Шевченко тогда забросил свою науку в Академии искусств, потерял стипендию⁸, физически болел и считай ничего не достиг в творчестве, кроме некоторых русскоязычных экспериментов. В 1843 г. эта затяжная борьба окончилась победой поэта. Когда 15 лет спустя поэт в ожидании обещанного освобождения из ссылки начал 12 июня 1857 г.

⁶ Так же оценивает «Предисловие» и профессор Юрий Шевелёв, о чем подробнее в его эссе в журнале «Сучасність» (1990. — Ч. 7–8. — С. 117).

⁷ Доклады конференции вышли в свет в издании Итальянской Национальной Академии Наук (Академия Nazionale dei Lincei) в Риме.

⁸ Документы. — С. 42–43. Шевченко исключили из списка стипендиатов 15 мая 1842 г. (ЧЧ. 89, 90) и подтвердили это решение в июне того же года (Ч.91).

писать «Дневник», уже 1 июля он записал впечатление о своем призвании стать поэтом (в 1839 г.):

Странное, однако, это всемогущее призвание. Я хорошо знал, что живопись — моя будущая профессия, мой насущный хлеб. И вместо того, чтобы изучить ее глубокие таинства, и еще под руководством такого учителя, каков был бессмертный Брюллов, я сочинял стихи, за которые мне никто гроша не заплатил и которые наконец лишили меня свободы и которые, несмотря на всемогущее бесчеловечное запрещение, я все-таки втихомолку кропаю. И даже подумываю иногда о тиснении [...] Право, странное это неугомонное призвание [*Твори*, ред. Гудзій...1964, т. 5: 43–44; *Твори*, вид. Денисюка...1958–1963, т. 9: 46].

В русском оригинале дневника Шевченко употребляет слово «призвание». Этим термином, который был в русском языке 18–19 в. калькой двух немецких слов *Beruf* и *Ruf Gottes an die Menschen* [Vasmer 1955, т. 2: 432], русские романтики передавали концепцию призвания в двух вариантах: призвание поэта и призвание пророка.

Призвание художника Шевченко стать поэтом, которое началось в марте 1839 г. завершилось в 1843 г.

3

В январе 1843 г. Шевченко решил увидеть Украину, как об этом он написал одному из своих будущих гостеприимных хозяев — Григорию Тарновскому (25 января 1843 г.) [*Твори*, ред. Гудзій...1964: т.6 23], однако смог покинуть Петербург лишь 15 мая, получив отпуск от Академии искусств [Документи...1982: Ч.100 45].

Основной целью Шевченко не было посещение Кирилловки, села своего детства, но познакомиться со своими читателями, украинским интеллигентским слоем бывшей Малороссии, то есть с помещиками Черниговской и Полтавской губерний, потомками казацкой старшины. Кроме того, он планировал посетить новый недавно созданный университет в Киеве, а также посмотреть некоторые исторические и семейные места.

Проводником Шевченко по Черниговщине стал непосредственно Григорий Тарновский (1788–1853), собственник села Качановки, поскольку, как писал Шевченко в цитированном письме: «... у меня и на Украине, кроме Вас, нет пристанища» [*Твори*, ред. Гудзій...1964, т. 6: 23]. Этот высококультурный приятель Гоголя, Глинки и Максимовича собрал ценную библиотеку и создал большую картинную галерею, где некоторое время и должен был работать Шевченко [Словник...1976–1977, т. 2: 255].

По Полтавской губернии сопровождал Тараса его уже нам известный друг из Петербурга Евгений Гребинка (собственник хутора Убежище).

В то время центральными товарищеско-культурными событиями для интеллигенции Малороссии были полугодовые «балы» пани генеральши Татьяны Волховской (1763–1855) в Мосевке на Полтавщине (11 января — день рождения госпожи, 29 июня — день рождения покойника-мужа) [Спогади...1982: 78, 81–83, 87–90; *Твори*, ред. Гудзій...1964, т. 6: 69]⁹.

Другие привлекательные события — это так называемые «контрактные ярмарки» в Киеве (Шевченко побывал на них в начале 1844 г.) [*Твори*, ред. Гудзій...1964, т. 5: 78; Словник...1982, т. 1: 289], а также известные ярмарки Левобережья, преимущественно Ильинская в Ромнах (от 5 июля до 2 августа). На последней упомянутой ярмарке, одной из самых больших ярмарок империи, славившейся торговлей тканями и лошадьми, Шевченко побывал 24 июля 1845 г. и имел возможность, между прочим, видеть там харьковского актёра Карпа Соленика (1811–1851) в «Москалі-чарівнику» Ивана Котляревского [там же: 78–79].

Шевченко никогда не бывал на Слободской Украине, но с самого начала своих литературных занятий он был в заочном знакомстве с основными деятелями харьковского романтиз-

⁹ Тарас участвовал в трех таких балах: в июне 1843 г. и в январе 1844 и 1846 гг.

ма, особенно с прозаиком Григорием Квиткой-Основьяненко (1778–1843), через посредничество Гребинки ещё с 1838 г [Листи...1962: 9–11]¹⁰, с поэтом Амвросием Метлинским (1814–1870) с 1842 г. Кажется, что Шевченко не имел непосредственного контакта с поэтом-романтиком Львом (Левком) Боровиковским (1806–1889) [Словник...1982: т.1 84].

Гребинка впервые привез Тараса в Мосевку и ввёл на июньский бал в 1843 г. Появление поэта вызвало там большой энтузиазм. Там присутствовало около двухсот персон, которые встретили его торжественно как своего национального поэта. «Много привлекательных женщин, — пишет один очевидец, — читали ему наизусть отрывки из его сочинений, и он особенно хвалил чистоту полтавского говора» [Спогади...1982: 89–91]¹¹.

Назову здесь некоторых из читателей, с которыми Шевченко встретился в Мосевке и которые попозже сыграли важную роль в его творческой жизни.

Александр Афанасьев-Чужбинский (1816–1875), как и Гребинка, выпускник Нежинской гимназии, был писателем и этнографом. В то время он занимался польской поэзией, и в его доме в Исковцах (осень 1843 г.) они вместе читали третью часть «Дзядов» Адама Мицкевича, где сильнее всего развита концепция национального пророка [Спогади...1982: 91]. Платон Лукашевич (1806–1887) был сыном друга Григория Сковороды, Якима [Твори, ред. Гудзій...1964, т. 4: 18–19] — фольклорист, который особенно интересовался Западной Украиной. Он издал в 1836 г. в Петербурге свой сборник «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни» и переписывался с Иваном Вагилевичем, одним из львовской «Русской Троицы». Это, собственно, в Лукашевичевой Березани Шевченко впервые читал «Русалку Днестровую», изданную, как известно, в Будапеште в 1837 г. [Словник...1982, т. 1: 369]. Потом Шевченко посетил места Богдана Хмельницкого: Суботов и Чигирин. Под впечатлением увиденных руин, а также бесед с Лукашевичем Тарас Шевченко, доселе романтический Кобзарь прошлого, в той же Березани написал 9 октября 1843 г. свое первое национально-гражданское произведение «Розрита могила» [Твори, ред. Гудзій...1964, т. 6: 51]¹².

Другой выпускник Нежинской гимназии, один из собственников села Березова Рудка — это Виктор Закревский [Словник...1982, т. 1: 228] (1807–1858), организатор и «генеральный старшина» (прозвище *Мочиморденко*) [Твори, ред. Гудзій...1964, т. 6: 353] товарищества «Мочимордов». Это был своеобразный орден, типичная реакция против всей существующей фальши провинциальной панской жизни под властью деспота [Франко 1955: 89]. Однако члены этого товарищества, которое выбрало Шевченко своим «гетманом» [Твори, ред. Гудзій...1964, т. 6: 353], не ограничивалось товарищескими пирами [Оглоблин 1973]. Они, все высокообразованные, отдавались литературным, научным и художественным делам. Дискутировали о важных проблемах и осуществляли совместные творческие планы. Заместителем «гетмана», то есть «генеральным обозным», стал поэт и историк, автор пятитомной *Истории Малороссии* Николай Маркевич (1804–1860), которого Александр Оглоблин справедливо назвал «одним из наиболее культурных людей тогдашней Украины» [там же: 41]. «Войсковым есаулом» был граф Яков де Бальмен (1813–1845) по прозвищу *Дыбайло* [Твори, ред. Гудзій...1964, т. 6: 353], тоже выпускник Нежинской гимназии, офицер, художник. Вместе со своим свояком художником Михаилом Башиловым (1821–1870) они сделали в первой половине 1844 г. по 39 иллюстраций к рукописному «Кобзарю» Шевченко каждый [Документи...1982, Ч. 229: 117; Словник...1982, т. 1: 56, 59]. Примечательно, что текст этого «Кобзаря», который Закревский получил 20 июля 1844 г. для передачи Шевченко, был переписан латинским алфавитом, поскольку готовился к изданию в Западной Европе, чтобы быть доступным для польскоязычной эмиграции с Украины, основавшейся преимущественно в Париже. Как известно, Шевченко под влиянием известия о смерти друга Якова (который ещё в 1842 г. интересовался

¹⁰ Первое (неординарное) сохранённое письмо к Шевченко от Квитки-Основьяненко от 23 октября 1840 г.

¹¹ Александр Афанасьев-Чужбинский.

¹² Шевченко и Лукашевич (близкий знакомый Репниных) вскоре разошлись. См. письмо Шевченко к княжной Варваре.

историей Украины и незадолго до своего последнего кавказского похода посетил 7 апреля 1845 г. историка Аполлона Скальковского (1808–1899), чтобы просмотреть архив Запорожской Сечи [Жур 1985: 163], завершил 18 ноября 1845 г. в Переяславе новую версию своего шедевра политической поэзии «Кавказ» [там же: 165–166].

Алексей Капнист [Білецький 1949] (1796–1869), сын писателя и украинского политического деятеля Василия Капниста (1758–1823), известного своей миссией к королю Пруссии в украинских делах в 1791 г., был декабристом и некоторое время узником Петропавловской крепости. Шевченко бывал в его поместье в с. Коваливка, где выполнял художественные задания. Капнист ввёл Тараса в семью бывшего войскового генерал-губернатора Малороссии (и бывшего вице-короля Саксонии) князя Николая Репнина-Волконского (1778–1845), покровителя украинских дел в империи. Сам князь Николай был женат на внучке последнего гетмана Украины Кирилла Разумовского (1750–1764). В резиденции князя Репнина (Яготине на Левобережной Украине) [Білецький 1949] слились две традиции — украинских автономистов, людей «старой Малороссии» (князь Николай позже был похоронен в славном Густыньском монастыре), и декабристов, борцов за свободу человека на имперском уровне (брат Николая был сослан как декабрист). Можно смело сказать, что это был последний очаг украинской автономистской мысли старого типа. Для недавнего крепостного Шевченко это было необычное переживание. Князь Николай, который выводил свой род от Рюрика, трактовал его как равного себе, даже как сына [Твори, ред. Гудзій...1964: т.6 51], а его дочка княжна Варвара (1808–1891), сама писательница, стала его другом и опекуном на всю жизнь, а главное — во времена Тарасовой ссылки его правдивым ангелом-хранителем [Возняк 1925]. У княжны Варвары жили талантливые сестры Псел — старшая Александра (1817–1887) — украинская поэтесса [Твори, ред. Гудзій... 1964, т. 6: 48, 315] и младшая Глафира (1823–1886) — украинский живописец [Твори, ред. Гудзій...1964, т. 6: 48, 52]. Они познакомились с Шевченко в Яготине также в 1843 г. и остались на всю жизнь поклонницами его таланта, сердечными друзьями, диспутантами и корреспондентками [Листи... 1962: 71; Документи... 1982: 190, 192, 206, 215, 217, 220, 233, 236, 239]. К кругу тех высококультурных украинских женщин, которые были вдохновительницами Тараса-поэта, следует зачислить, и это в первую очередь, наверное, единственную любовь его жизни — Анну Закревскую, рожд. Заславскую (1822–1857), жену Платона, брата Виктора Закревского [Словник...1982, т. 1: 227–228], которую Тарас увековечил на своем полотне маслом (1843 г.), и ей же он посвятил свою редкостную в его творчестве любовную поэму [Твори, ред. Гудзій...1964: т.2 110–111; Спадщина... 1961–1963, т. 1: Ч.1. 87; Івакін 1968: 103–105]. С ней поэт встретился впервые в Мосевке в том же 1843 г. Вообще, можно без преувеличения сказать, что «открытие» Тарасом Шевченко высококультурных и талантливых украинских женщин в 1843 г. заполнило пробел в видении поэтом украинского народа в образе полной национальной единицы, а это в немалой степени послужило причиной тому, что 1843 год стал рубежным в его жизни и творчестве. Но об этом позже.

В том же переломном 1843 г. (в июне) Шевченко посетил Киев и его университет, который лишь недавно в 1841 г. переехал в свое собственное великолепное, по тем временам, здание по проекту архитектора Беретти. Благодаря своей неуёмной энергии и видению Михаил Максимович (1804–1873) [Марков 1973], — биолог, этнограф и творец украинской академической историографии — стал первым ректором нового Киевского университета, основанного в 1834 г. на месте ликвидированного Виленского университета. Это учебное заведение уже во времена первого его посещения Шевченко стало главным научным и интеллектуальным центром Украины, мало-помалу, но уверенно вытесняя своего «старшего брата» Харьковский университет (основанный в 1805 г.) на второе место.

Шевченко было приятно увидеть Максимовича, издателя украинских народных песен (1827, 1834), которые были важным источником его поэтического вдохновения. Собственно, с Максимовичем Тарас познакомился ещё в доме Гребинки (1836 г., см. выше). Тогда же Та-

рас встретился впервые ещё и с Паньком (Пантелеймоном) Кулишем (1819–1897), тем «самозванным» аристократом духа, но все-таки талантливым эстетом, всесторонним писателем, поэтом, историком и фольклористом, но прежде всего человеком большого, хотя подчас и переменчивого темперамента и с уникальным по тем временам видением большой украинской литературы. Влияние Кулиша на Тараса было уникальным. Шевченко боролся против автократичного и аристократического Панька, который был единственным, кто осмеливался критиковать его [Шевченко] поэзии, но все-таки признавал авторитет Кулиша в деле эстетики поэтического слова [Луцкий 1983].

Пять исторических мест в Украине особенно интересовали Шевченко, и он посетил их дважды, в 1843 и 1845 гг.: остров Хортица, где когда-то была Запорожская Сечь; Суботов и Чигирин, связанные с личностью и делами Богдана Хмельницкого; Батурин — столица гетманов 17–18 вв. [Жур 1985: 41]; «Межигорский Спас» (возле Киева), где согласно легенде, в которую верил Шевченко, окончил свою жизнь любимый герой Тараса Семен Палий (умер в 1710 г.), и Холодный Яр (урочище в лесу в Чигиринском уезде) [Словник...1982, т. 2: 323], с Мотроиним монастырем, где в 1768 г. собирались гайдамаки.

На обратном пути в Петербург Шевченко задержался в феврале 1844 г. в Москве, где встретился с двумя великими людьми, которые стали его друзьями на всю жизнь. Первым был Осип Бодянский (1808–1877) [Полотай 1965, Ч. 8: 34–44; Твори, ред. Гудзій...1964, т. 6: 29, 30]¹³, выдающийся славист-филолог, издатель древних текстов. Собственно, в доме Бодянского увидел Тарас только что открытую Погодиным рукопись «Летописи» Самуила Величко, наиболее обстоятельный источник казацкой истории, которым поэт будет зачитываться до самой смерти [Дзира 1964: 61–88]. Второй друг, бывший крепостной, как и Тарас, это знаменитый актёр Михаил Щепкин (1788–1863), игрой которого и «Записками артиста» Шевченко восхищался и сердечно любил [Волошин 1963].

Под влиянием пережитого поэтом в Украине и тех встреч в Москве, Шевченко написал 19 февраля 1844 г. ещё в Москве свое рефлексивное произведение «Чигирине, Чигирине...», а 8 июля 1844 г., уже в Петербурге, он создал один из выдающихся шедевров мировой литературы — «Сон» («У всякого своя доля»).

4

Второе путешествие Шевченко по Украине (март 1845 — арест 17 апреля 1847 г.), которое в художественной форме недавно (в 1985 г.) воссоздал Петро Жур в своей «Думі про огонь» [Словник...1982, т. 2: 116–118], ещё более укрепило связь поэта с читателями; и его исключительное положение в кругах украинской культурной элиты было теперь вне всякого сомнения.

Это путешествие также расширило его непосредственное знание родины ещё на Волынь (особенно Берестечко, место битвы 1651 г. [Словник...1982, т. 1: 64], бывший культурный очаг Острог, а также Луцк, Кременец и Почаевский монастырь), на родину Котляревского — Полтавщину, да ещё и на Подолье (Камянец-Подольский) [Жур 1985: 276–278]. Шевченко также совершил «паломничество» в Нежинскую гимназию, что произвела на свет столько украинских талантов.

Однако он постоянно возвращался к Чигирину, родине Богдана, где на могилах возле чигиринских шляхов он находил ещё настоящих кобзарей, слушал их песни, обменивался с ними мыслями в беседах.

Собственно, это и не было путешествие. 22 марта 1845 г. Шевченко получил в своей Академии звание «вольного» («внеклассного») художника» [Документи...1982, Ч. 42: 66] и теперь думал устроиться постоянно в Киеве. Я не буду здесь заниматься его деятельностью

¹³ Бодянский информировал о творчестве Шевченко зарубежный славянский мир, в частности чешских будителей.

как сотрудника «Временной киевской археографической комиссии» [*Твори*, ред. Гудзій... 1964, т. 6: 303–311]; его знакомством (16 апреля 1846 г.) и дружбой с выдающимся историком Николаем Костомаровым (1818–1885) [Спогади... 1982: 133–134, 138–140, 145–146], участием Тараса в деятельности Кирилло-Мефодиевского братства [Документи... 1982: 88–132] и подвижничеством теперь возникшей «украинской троицы» (Шевченко, Кулиш, Костомаров), поскольку я заканчиваю свой рассказ началом 1846 года.

Вторая встреча поэта с Украиной и ее ведущими лицами, старшей и младшей генерациями левобережного просвещённого панства — людьми, которые были у руля украинской общественно-политической и культурной жизни, которые поверили в его специальную миссию и приняли его как своего лидера и национального поэта, оказав тем самым чрезвычайное, потрясающее впечатление на Тараса. Он жил на небывалом творческом подъёме, к интенсивности которого он уже больше никогда не вернулся. Между октябрём и декабрём 1845 г. он написал 15 произведений, среди них значительную часть своих самых сильных общественно-политических произведений. Вот их перечень: «Не завидуй багатому» (Миргород, 4 октября), «Не женися на багатій» (там же, 4 октября), «Єретик» (Марьинское, 10 октября), «Сліпий» (там же, 16 октября), «Великий льох» (Миргород, октябрь), «Стоїть в селі Суботові...» (Марьинское, 21 октября), «Наймичка» (Переяслав, 13 ноября), «Кавказ» (там же, 18 ноября), «І мертвим і живим...» (Вьюнице, 14 декабря), «Холодний Яр» (там же, 17 декабря), «Псалми Давидові» (там же, 19 декабря), «Маленькій Мар'яні» (там же, 20 декабря), «Минають дні, минають ночі...» (там же, 21 декабря), «Три літа»...., (там же, 22 декабря), «Заповіт» (Переяслав, 25 декабря) [*Твори*, ред. Гудзій... 1964: т.1 258–354]. Далее следовал семимесячный перерыв. Следующее произведение «Лілея» [там же: 355–357] был написано Шевченко в Киеве лишь только 25 июля 1846 г.

Уже из самого перечня названий произведений и их дат и места написания видно, что Миргород и село Марьинское (Марьянское), которое размещено возле него, и Переяслав с селом Вьюнице делятся славой местностей наивысшего вдохновения поэта. Марьинское принадлежало помещику Александру Лукьяновичу (1802–1879), который пригласил поэта рисовать портреты своей семьи и создал для этого благоприятные условия. Поэт жил в отдельном помещении, где в свободное время мог оставаться, читая книги из богатой библиотеки хозяйна. Лукьянович, майор в отставке, интересовался общественными делами, он впоследствии стал миргородским уездным маршалом (1847–1855). Брат его жены Иван Шимков (Шимко; 1802–1836) был видным декабристом и членом Товарищества объединённых славян [Оглоблин 1973: 41–42]. Атмосфера того дома и соседских (о которых сейчас ниже) способствовала вдохновению поэта и окончательному его переходу на гуманистические, общественно-политические темы.

Собственником Вьюница был гостеприимный помещик и собственник интересной библиотеки, преследуемый режимом Степан Самойлов (1773–185?) [Словник... 1982, т. 2: 193; *Жур* 1985: 170–177], который искренне заботился о Тарасе, и когда поэт заболел в конце октября 1845 г., он передал его под опеку своего приятеля — врача и преподавателя медицины в Переяславской семинарии Андрея Козачковского (1812–1889) [Словник... 1982, т. 2, 308]. Козачковский оказался конгениальным поэту, у них завязалась дружба до самой смерти (см. посвящение к «Давно те діялось») [*Твори*, ред. Гудзій... 1964, т. 2: 63–67]. Козачковский помогал позже высланному поэту и собрал большую коллекцию рисунков Шевченко.

5

Шевченко выразительно оценил годы 1843–1845 как особенные в его творчестве. Где-то в конце 1845 г. и вначале 1846 г. у Козачковского в Переяславе, после выздоровления от тяжёлого недуга он составил большого формата и хорошо технически выполненный альбом своих произведений, которому и дал название «Три літа», то есть годы 1843, 1844 и 1845. В

этот сборник вошло 23 произведения на общеукраинские общественно-политические темы, из которых самое раннее (9 октября 1843 г.) — это «Розрита могила», а самое позднее (от 25 декабря 1845 г.) — «Заповіт».

Альбом «Три літа» открывает выполненный Шевченко рисунок пророка [Шевченко 1966], на обратной стороне — автопортрет (собственно шарж) Шевченко, а потом после заглавного картуша, где, у большинства заглавий в том альбоме, буквы выполнены в стиле торжественного каллиграфического полуустава семнадцатого века, на странице третьей, помещён эпиграф из старого Завета (церковнославянским языком), названный поэтом как «Молитва Иеремии пророка»:

*Отцы наши согрѣшища, и нѣсть ихъ,
Мы же беззаконія ихъ подяхомъ.
Рабы обладаша нами, избавляющаго
Нѣсть отъ руку ихъ.
Князи въ руках ихъ повѣшены быша,
Старѣицины не прославышася.
Избраннїи плачь подяша, и юноши
В кладъ изнемогаша.
И старцы отъ вратъ оскудѣша, избраннїи
Отъ пѣсней своихъ умолкоша [там же: 5].*

Здесь идёт речь о плаче Иеремии, глава 5, стихи 7, 8, 12–14. Пророческая направленность творчества во имя свободы своего порабождённого народа — это наивысшая тема романтической поэзии. Во времена Шевченко пророк — это вещий поэт [Твори, ред. Гудзій... 1964, т. 1: 204–218; т. 2: 112; Івакін 1968: 110–116]¹⁴. Такой «профетизм» наиболее сильно проявился в творчестве Адама Мицкевича, особенно в третьей части его «Дзядов». Это, наверное, не случайно, что Шевченко в доме Афанасьева-Чужбинского в Искровцах собственно ещё в 1843 г., во время первого своего путешествия по Украине прочитывал это произведение.

Так же не случайно, что теперь Шевченко собрал свои произведения нового типа в альбоме с многозначительным заглавием «Три літа», избрав для него титульный портрет пророка, очевидно Иеремии, и эпиграмму из пятой главы его плача.

Там подана трагическая судьба евреев, которые за грехи отцов попали под власть горделивых чужестранцев. Эти же бывшие рабы ныне владеют евреями. Князья их повешены, старшины не имеют признания, младшие согнаны на принудительные работы, а избранные поэты-пророки умолкли.

Очевидно ситуация ассирийской неволи евреев теперь повторилась на Украине с украинцами-казаками после ликвидации Гетманщины. Только слово поэта-пророка может спасти его народ. После тяжкой болезни выздоровевший поэт Шевченко принимает на переломе 1845–1846 годов решение. Так, как в 1843 г., после четырёхгодичного сомнения, борьбы между своими двумя призваниями он решил сменить палитру художника на перо национального поэта, так теперь, три года спустя, он понял, что его призвание намного выше: он осознал себе, что он не только поэт, он — вдохновенный лидер, он — пророк, Иеремия Украины [Франко 1982, т. 35: 185–189, 234–247]¹⁵. Поэтому он поместил после портрета Иеремии и его

¹⁴ В том же 1843 г., но после Мосевки, в Яготине, Шевченко впервые занялся вопросом пророка в своей «Тризне», посвящённой княжне Варваре Репниной (с посвящением «На память 9-го ноября 1843 года»). В этом произведении, написанном на русском языке, «кроткий» пророк (не Иеремия!) решил освободить свою святую родину от тирании, но безуспешно. К теме «кроткого» пророка Шевченко вернулся в 1847–1848 г.

¹⁵ На основе анализа некоторых произведений Шевченко Василь Щурат (1871–1948) пришел к выводу, что нашего поэта следует ставить наравне с Иеремией. Соответствующий доклад Щурата, провозглашенный впервые в 1904 г в Вене, а позже напечатанный в львовском «Руслані», вызвал очень острую критику Ивана Франко ещё в том самом году. Однако здесь Франко ошибался.

слов свой автопортрет, за котрым следуют его, Тарасовы слова — весть, с которой он обращается к своему онемелому народу, чтобы его разбудить, вдохновить на освободительную деятельность.

Его весть — это, собственно, «Три літа».

Вот так Шевченко-пророк — родился.

Перевод с украинского В.Н. Ткаченко

- Білецький Л. 1949. *Тарас Шевченко в Яготині*. — Аугсбург: УВАН.
- Бородін В. 1971. *Над текстами Т.Г. Шевченка*. — Київ.
- Возняк М. 1925. *Шевченко й княжна Респіна*. — Львів.
- Волошин І. 1963. *Т.Г. Шевченко і М.Щепкін*. — Київ.
- Дзира Я. 1964. Тарас Шевченко и українські літописи XVII–XVIII ст. — *Історичні погляди Т.Г. Шевченка*. — Київ.
- Жур П. 1972. *Шевченківський Петербург*. — Київ.
- Жур П. 1985. *Дума про огонь*. — Київ.
- Зайцев П. 1955. *Життя Тараса Шевченка*. — Нью-Йорк.
- Івакін Ю. 1968. *Коментар до «Кобзаря» Шевченка. Поезії 1847–1861 рр.* — Київ.
- Листи до Т.Г. Шевченка... 1962. *Листи до Т.Г. Шевченка 1840–1861*. — За ред. Євгена Кирилюка. — Київ.
- Луцький Ю. 1983. *Panteleimon Kulish: A Sketch of His Life and Times*. — Boulder.
- Марков П. 1973. *М.О. Максимович — видатний історик XIX ст.* — Київ.
- Оглоблин О. 1973. Проблема українських зв'язків Шевченка. — *Український історик*. — Ч. 3–4.
- Панаев И.И. 1950. *Литературные воспоминания*. — Москва.
- Полотай А. 1965. Шевченко і Бодянський. — *Радянське літературознавство*. — Київ.
- Прицак О. 1983. Місце Липинського в українській інтелектуальній історії. — *Сучасність*.
- Спогади про Тараса Шевченка... 1982. *Спогади про Тараса Шевченка, упорядкували Василь Бородін та Микола Павлюк*. — Київ.
- Филипович П. 1971. *Література, статті, розвідки, огляди*. — Нью-Йорк.
- Франко І. 1955. *Твори в двадцяти томах*. — Т. 17, ред. Давид Копиця. — Київ.
- Шевченко Т. 1982. *Документи та матеріали до біографії (1814–1861)*. — За ред. Євгена Кирилюка. — Київ.
- Шевченко Т. 1961–1963. *Мистецька спадщина у чотирьох томах*. — За ред. Василя Касіяна. — Київ.
- Шевченко Т.Г. 1963. *Бібліографія літератури про життя і творчість, 1839–1959*. — За ред. Євгена Кирилюка, у 2 томах. — Київ.
- Шевченко Т. 1964. *Повне зібрання творів у шести томах*. — ред. Микола Гудзій. — Київ.
- Шевченко Т. 1966. *Три літа. Автографи поезії 1843–1845 років*. — Видав Євген Шаблювський. — Київ.
- Шевченківський словник... 1976–1977. *Шевченківський словник*, у 2 томах. — За ред. Євгена Кирилюка. — Київ.
- Jedrzejewicz J. 1970. *Noce ukrain `skie, albo rodowo `d geniusza*. — Warshava.
- Vasmer M. 1955. *Russisches etimologisches Werterbuch*. — Т. 2, Heidelberg.